

16 ИЮЛ 1976

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ

г. МОСКВА

К 85-летию со дня рождения Бориса Лавренева

БОРИС ЛАВРЕНЕВ вошел в мою жизнь в 1924 году. Мы еще не знали его как писателя. В то время в моем ведении находились многочисленные самодеятельные коллективы рабочих клубов, несколько передвижных профессиональных театров и живая газета «Станок», которой руководил известный режиссер Н. В. Петров, возглавлявший труппу Ленинградского академического театра драмы.

Имя Лавренева уже мелькало тогда на газетных полосах, но все, что он писал, было далеко от театра. Молодой журналист узнал, что профсоюзы задумали издавать популярный журнал «Рабочий и театр». Я был в то время ответственным секретарем двух редакций: названного мной театрального журнала и первой ленинградской живой газеты «Станок».

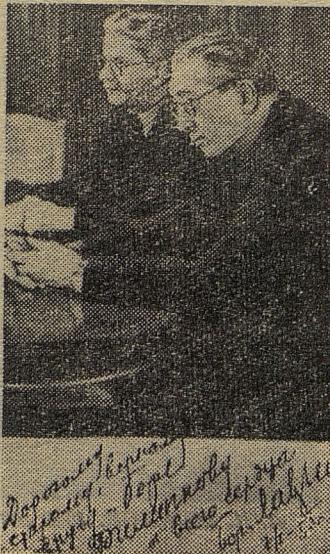
— Я хотел бы начать с чего-либо скромного и небольшого, — сказал мне Лавренев. — Хоть бы с вашей живой газеты. Это займет сравнительно мало времени. Главное для меня — работа над повестью. Есть «заготовки» для больших драматических произведений...

Вскоре я познакомил Лавренева с Н. В. Петровым, и они сразу понравились друг другу. Оба они обладали чувством юмора.

Прошло несколько дней, и на repetицию «Станка» явился Лавренев. Он принес театра-

лизованный фельетон «Работа не без НОТА», посвященный возникшему в то время движению сторонников научной организации труда. Фельетон был против бюрократов, противостоявших этому важному начинанию.

— Простите, Борис Андреевич. Я люблю авторское чтение, — сказал Петров.



Лавренев встал, поклонился и начал:

Начканц Петров,
нацелясь взглядом,
влез в двери Зава, как удав,
«Я к вам, товарищ Зав,
с докладом!»
«Не лезь! Я занят!» —
молвил Зав.
Он, взявшись срочными
бумажками,
с кипучей лавою в крови,
Гадал по ним, как
по ромашке,
о секретаршиной любви...

Фельетон заканчивался тем, что Зав под конец рабочего дня спохватился: его ждет в приемной Начканц!

Н. В. Петров выслушал фельетон и мрачно сказал:

— В общем недурно... Но почему — Петров? Не могли бы вместо Петрова всунуть какую-нибудь другую режиссерскую фамилию? Ну, например, Рад-

ховстроя Петров» и даже еще в стихах!»

Вскоре у Лавренева «заговорила совесть», он признал такой метод привлечения рабочиков порочным и наотрез отказался участвовать в подобных фальсификациях.

1924 год был переломным в творчестве Лавренева и поразительно плодотворным. Первые

На сцене ЦДРИ в 1955 году состоялся первый творческий вечер писателя. О его деятельности говорила театровед Инна Вишневская, ставшая позднее автором монографии о Лавреневе. А затем показывались сцены из спектаклей по его пьесам: «Разлом», «За тех, кто в море», «Песни о черноморцах», «Голос Америки».

Еще до постановки последней пьесы в Малом театре Борис Андреевич увлеченно рассказывал на одном из вечеров в ЦДРИ о своей работе над драматическим произведением, посвященным самой важной теме — борьбе за мир, показу Америки — прогрессивной и реакционной, обличению гангстеров и утверждению Америки простых людей. Автором тогда еще не было определено название задуманной им пьесы, удостоенной на сцене Малого театра Государственной премии.

Работая над большими формами драматургии, Лавренев не утратил своих симпатий и к малым формам, выступив ярым защитником сатирического коллектива «Будильник», встретившего на своем пути рогатки со стороны некоторых перестраховщиков, рассуждающих по принципу

Я за смех, но нам нужны
Подобнее Щедрины —
И такие Гоголи,
Чтобы нас не трогали!

Положительная рецензия Лавренева в газете «Советское искусство» открыла дорогу этой артистической группе ЦДРИ к зрителю.

Когда я благодарил его за действенную помощь, он, улыбаясь, сказал:

— Я просто вспомнил свои первые шаги в драматургии! Они же берут начало от живой газеты «Станок»!

Борис ФИЛИППОВ,
заслуженный деятель
искусств РСФСР

КАКИМ Я ЕГО ЗНАЛ

лова. В крайнем случае, представьте ударение: не Радлов, а Радлов: «Радлоб! Что с вами? Ну вас к черту!» — вот это звучит! — Произнеся всю эту тираду с деланным возмущением, Петров не выдержал и начал хохотать, видя, что Лавренев принял его реплику всерьез.

Нужно было видеть, как радовался и веселился автор фельетона от этого розыгрыша. Но на «Петрове» он решил все же отыграться.

Если в «Станке» Борис Лавренев, как правило, выступал под своей фамилией, то в журнале «Рабочий и театр» его стихотворные фельетоны публиковались под псевдонимом «Рабкор Волховстроя ПЕТРОВ». Что же послужило причиной этой странной «конспирации»?

Наименование журнала, поставленные им задачи вели к поискам путей к рабочему читателю. Редакция журнала пришла к выводу, что театральных рабкоров следует растигивать и воспитывать.

Фельетоны Б. Лавренева в «Рабочем и театре» ставили своей задачей придать больше смелости фабрично-заводским корреспондентам, побудить их писать на театральные темы: «Вот, пишет же «рабкор Вол-

ховстрая Петров» и даже еще в стихах!»

Мне почастливило быть свидетелем триумфа Лавренева в дни празднования десятилетия Великой Октябрьской социалистической революции. В Большом драматическом театре на Фонтанке состоялась премьера его пьесы «Разлом». Успеху спектакля способствовал замечательный состав актеров. Главные роли исполняли Н. Монахов (Годун) и А. Лаврентьев (Берсенев) — любимцы ленинградских зрителей двадцатых и тридцатых годов.

Дружба моя с Борисом Андреевичем не прерывалась и после нашего переезда в Москву. Он был не только частым гостем Центрального Дома работников искусств, где я работал, но и активным членом правления ЦДРИ, редактором клубного устного журнала «Новости жизни».